Евгений Мишин

ПРОТОКОЛ «АДАМАНТ»

Евгений Мишин

Протокол "Адамант"

«Автор»
2026

Мишин Е.

Протокол "Адамант" / Е. Мишин — «Автор», 2026

Дорогой читатель! Спасибо, что решил пройти этот нелегкий путьвместе с Михаилом Крупининым. Это первая книга из цикла о следователе сидеальной памятью и выжженными эмоциями. Вторая книга, где Крупинин отправится по следу неуловимого Скульптора, уже в работе!Эта книга является художественным произведением, а не документальнойхроникой. Персонажи, их биографии, поступки и диалоги, а такжеконкретные эпизоды расследования и описанные преступные схемывымышлены. Реальные даты, географические названия, учреждения иисторические обстоятельства, если они упоминаются, используются какхудожественный фон. Роман не утверждает причастность конкретныхреальных людей, военнослужащих, подразделений или учреждений кописанным преступлениям. Любое сходство вымышленных персонажей среальными людьми случайно.

© Мишин Е., 2026
© Автор, 2026

Евгений Мишин
Протокол "Адамант"

Евгений Мишин
ПРОТОКОЛ «АДАМАНТ»
Книга 1. Цикл «Следователь Крупинин»

2026 год
«Е. Мишин»
От автора:

Дорогой читатель! Спасибо, что решили пройти этот нелегкий путь вместе с Михаилом Крупининым. Это первая книга из цикла о следователе с идеальной памятью и выжженными эмоциями.

Для независимого автора нет ничего важнее отклика аудитории. Если история зацепила вас, пожалуйста, ***поставьте оценку и напишите короткий отзыв****на странице книги. Это очень поможет мне в написании продолжения!*

Вторая книга, где Крупинин отправится по следу неуловимого «Скульптора», уже в работе!

Примечание о художественном вымысле

Эта книга является художественным произведением, а не документальной хроникой. Персонажи, их биографии, поступки и диалоги, а также конкретные эпизоды расследования и описанные преступные схемы вымышлены. Реальные даты, географические названия, учреждения и исторические обстоятельства, если они упоминаются, используются как художественный фон. Роман не утверждает причастность конкретных реальных людей, военнослужащих, подразделений или учреждений к описанным преступлениям. Любое сходство вымышленных персонажей с реальными людьми случайно.

Протокол «Адамант» (Цикл: Следователь Крупинин. Книга 1)
Жанр:Остросюжетный детектив, военный триллер, криминал.
Возрастные ограничения 18+

Содержание
От автора 2
Аннотация 4
Глава 1. Геометрия хаоса 5
Глава 2. Анатомия пыли 9
Глава 3. Анатомия тени 16
Глава 4. Пластилин и свинец 24
Глава 5. Анестезия совести 32
Эпилог. Возрождение 50

Аннотация:

Лето 2022 года. Прифронтовая зона СВО. Гибель полковника, отвечавшего за гуманитарные грузы, списывают на случайный прилет мины. Но старший следователь Главного

следственного управления СК Михаил Крупинин, обладающий эйдетической памятью, находит на месте взрыва следы хладнокровной казни.

Вместе с отчаянной девушкой-медиком Верой он начинает распутывать клубок, который ведет на самый верх. Гуманитарные конвои, запаянные цинковые гробы, предательство в штабе фронта — все это часть грандиозного контрабандного канала «Адамант».

Крупинин привык доверять только холодной логике. Но на этой войне ему придется столкнуться с тем, что не поддается расчету — с любовью и с абсолютным, безжалостным злом. Враг хитер, неуловим и готов на всё. И чтобы победить, следователю из Москвы придется заплатить цену, которая навсегда изменит его жизнь.

КНИГА ПЕРВАЯ: ПРОТОКОЛ «АДАМАНТ»

ГЛАВА 1. Геометрия хаоса

Дорога от Ростова до линии соприкосновения была цвета выжженной охры. И на вкус — как горькая степная пыль, которая скрипела на зубах даже при плотно закрытых окнах.

Бронированный «Тигр» тяжело глотал выбоины растрескавшегося асфальта. Кондиционер гудел на пределе, но внутри всё равно стоял удушливый запах: раскалённый металл, солярка и кисловатый застарелый пот десятков солдат, которых эта машина возила до них.

За рулём сидел молодой ефрейтор с обветренным до красноты лицом. Он вцепился в баранку так, что побелели костяшки, и то и дело бросал короткие нервные взгляды в зеркало заднего вида. На пассажира.

Пассажир ефрейтора напрягал.

Михаил Николаевич Крупинин, старший следователь-криминалист Главного следственного управления СК РФ, за четыре часа пути ни разу не сменил позу. Не пожаловался на тряску. На вид — не старше двадцати шести. Оливковый тактический костюм сидел на нём без единой складки, словно сшит на заказ. Ни шевронов, ни званий. На бедре — австрийский «Глок» в пластиковой кобуре.

На коленях Крупинин держал ударопрочный алюминиевый кейс, машинально поглаживая большим пальцем рубчатую ручку.

— Товарищ капитан юстиции, — не выдержал ефрейтор, когда они миновали очередной блокпост, ощетинившийся бетонными ежами. — Впереди объездная. Дорога разбита в хлам, сейчас тряханёт. Вы бы пристегнулись.

Крупинин перевёл на него прозрачно-карий, немигающий взгляд. В нём не было ни страха, ни усталости. Только абсолютная, выверенная концентрация.

— При массе в семь тонн и скорости шестьдесят наезд на противотанковую мину превратит этот ремень в удавку, — ровно ответил Крупинин, отворачиваясь к окну. — А при попадании в засаду он отнимет у меня две секунды на выход из салона. Следите за дорогой, ефрейтор. Я предпочитаю теорию вероятностей.

Водитель сглотнул, кивнул и больше не пытался заводить светские беседы.

Крупинин смотрел на проплывающий мимо пейзаж. Его мозг непрерывно фильтровал информацию, отсекая лишнее. Хаос за окном раздражал. Михаил любил стерильность моргов, запах реактивов, чёткие линии протоколов. Война же была неаккуратной, грязной и лишённой логики.

За окном мелькнул разрушенный мост. Бетонный пролёт рухнул в пересохшую реку, образовав гигантскую букву «V».

Крупинин сделал медленный глубокий вдох. Прикрыл глаза.

Раз. Два. Три.

В эти три секунды темноты он отключил шум двигателя и жару салона. Внутренний затвор щёлкнул. Матрица отпечаталась.

Он открыл глаза. Картинка моста навсегда легла в его эйдетическую память с пугающей детализацией: угол наклона ржавой арматуры, сколы на опоре, рисунок копоти.

«Подрыв направленным зарядом. Снизу. Не менее пятидесяти килограммов тротила», — машинально проанализировал он и мысленно смахнул этот файл в архив.

Его текущая задача лежала в зашифрованной папке внутри кейса.

Два дня назад генерал-майор Дорохов, вызвав его в свой прохладный московский кабинет, бросил на стол серую папку.

«По бумагам у нас там порядок, Миша, —генерал тёр уставшие глаза. *— Интенданты отчитываются, склады полны. Но оперативники шепчут, что часть захваченного оборудования — оптика, РЭБ, натовские модули — растворяется в воздухе. А вчера там погиб полковник Самойлов. Начальник логистики сектора. Местные строчат рапорты про шальной прилёт мины. Но шальные мины редко падают на людей, которые слишком много знают. Поезжай. И помни: там ты — чужой для всех».*

«Тигр» перевалился через железнодорожные пути. Запах изменился.

Теперь в нём чувствовалась кирпичная крошка, нечистоты и что-то сладковато-тлетворное. Запах разрушенного города.

Где-то на востоке глухо, словно кто-то бил кувалдой по земле, ухала артиллерия. Воздух мелко вибрировал.

Машина затормозила у приземистого здания заводоуправления. Окна заложены мешками с песком, над входом — маскировочная сеть. Штаб военной комендатуры сектора.

Крупинин вышел из прохлады кондиционера в душное, вязкое марево августовского дня. Серая пыль тут же осела на его безупречных ботинках. Он едва заметно поморщился.

В полутёмном коридоре штаба пахло растворимым кофе и застоявшимся табачным дымом. В дежурке за столом, заваленным рациями и бумагами, сидел лейтенант с воспалёнными от недосыпа глазами. На рукаве — выцветшая красная повязка комендатуры.

Крупинин шагнул в кабинет и положил на стол удостоверение.

— Капитан юстиции Крупинин. Следственный комитет. Мне нужен лейтенант Карпенко и доступ к месту гибели полковника Самойлова.

Дежурный поднял мутный взгляд, прочитал документ и криво усмехнулся.

— Из Москвы, значит. Оперативно. Только зря приехали, товарищ капитан. Я Карпенко.

Лейтенант с трудом поднялся, одёргивая помятый китель.

— Ждали вас завтра. Можете сразу обратный билет брать. Там и расследовать нечего. Обычный прилёт. Самойлов спустился на склад, и тут мина. Перекрытие рухнуло. Жмур. На войне как на войне.

Карпенко потянулся к папке на краю стола.

— Вот протокол осмотра от местных. Фотографии есть. Резолюцию поставите — и в архив...

— Лейтенант, — голос Крупинина прозвучал тихо, но Карпенко осёкся, не донеся руку до папки. — В моём лексиконе отсутствует слово «жмур». Есть термин «потерпевший».

Крупинин забрал своё удостоверение.

— И я никогда не подписываю выводы, основанные на переменных, которые не проверил лично. Где тело?

— Да что там проверять? — вспылил Карпенко, у которого сдали нервы. — Его бетонной плитой в блин раскатало! Мы его час из-под завалов домкратами тянули!

— Значит, он ещё не в морге, — констатировал следователь. — Отлично. Ведите меня в подвал.

Карпенко обречённо выдохнул.

— Товарищ капитан... Там жара, пылища, кровь запеклась. Вы бы хоть переоделись, жалко форму...

Крупинин посмотрел на свой идеальный рукав, затем — на лейтенанта.

— Истина не отстирывается, Карпенко. Ведите.

Лейтенант понял, что спорить бесполезно. Снял со спинки стула автомат, повесил на плечо и прихватил со стены тяжёлый аккумуляторный фонарь.

— Пошли. Только под ноги смотрите. Растяжек нет, но арматуры торчит столько, что насквозь проткнёт.

Они вышли во внутренний двор. Зной ударил в лицо. Совсем близко с сухим треском отработала система ПВО, оставив в белёсом небе тающий инверсионный след.

Крупинин шёл за лейтенантом, не сбивая шага и не обращая внимания на взрывы. Его пульс оставался ровным. Семьдесят ударов в минуту.

Он нёс с собой скальпель логики в самый центр хаоса. Он ещё не знал, что именно в этом подвале его идеальный, математически выверенный мир впервые даст смертельную трещину.

ГЛАВА 2. Анатомия пыли

15 августа 2022 года. 14:12. ДНР, прифронтовая зона. Бывший завод «Красный Октябрь».

Двор заводоуправления был завален битым кирпичом, осколками стекла и искореженным ржавым металлом. Солнце пекло так, что воздух над бетоном дрожал и плыл, как в мареве над раскалённой сковородой. Лейтенант Карпенко остановился у чёрного провала, ведущего под землю. Раньше здесь был широкий грузовой спуск, теперь — месиво из обломков и перекрученной арматуры.

— Нам туда, — мрачно сказал лейтенант, включая мощный светодиодный фонарь. — Осторожнее, товарищ капитан. Ступени обвалились, придётся спускаться по скату.

Крупинин кивнул. Он не стал убирать алюминиевый кейс, просто переложил его в левую руку, освободив правую. Спуск по наклонной бетонной плите, усеянной крошевом, требовал концентрации, но следователь двигался уверенно, ни разу не оступившись. Подошвы его ботинок — толстые, вибрамовские — цеплялись за бетон, как лапы насекомого.

По мере погружения жара отступала, сменяясь могильным, сырым холодом. Запах менялся. Теперь в нём доминировала цементная пыль и тот самый тошнотворный, сладко-железистый душок, который не спутать ни с чем. Запах недавно пролитой крови. Крупинин почувствовал, как у него слегка перехватило горло — не от страха, от физиологии. Он сглотнул и заставил себя дышать ровнее.

Луч фонаря Карпенко выхватил из темноты обширное помещение. Старое бомбоубежище-склад. В центре потолка зияла огромная дыра, сквозь которую падали редкие пыльные лучи. Прямо под дырой громоздилась гора обрушившихся железобетонных плит перекрытия. Из-под самой большой плиты, приподнятой домкратом и зафиксированной деревянными балками, торчали ноги в армейских берцах и часть туловища в камуфляже.

— Вот он. Полковник Самойлов, — голос Карпенко гулко разнёсся под сводами. — Спасатели его приподняли, чтобы убедиться, что пульса нет, да так и оставили. Ждали экспертов, а тут вы приехали.

Крупинин поставил кейс на уцелевший деревянный ящик с маркировкой «Индивидуальные перевязочные пакеты» и щёлкнул замками.

— Вы, лейтенант, оставайтесь на месте, — приказал он, не оборачиваясь. — Ваша обувь уничтожает микроследы. Светите мне.

Следователь извлёк из кейса тонкие синие нитриловые перчатки, натянул их с тихим щелчком. Затем — бахилы, жёлтые баллистические очки со светофильтрами и компактный, но мощный источник ультрафиолетового света. Он подошёл к завалу. Остановился в метре от тела.

— Фиксирую время осмотра, — вслух произнёс Крупинин, скорее для себя, чем для лейтенанта. — Четырнадцать часов семнадцать минут.

Он сделал глубокий вдох, наполняя лёгкие воздухом, пропитанным смертью, и закрыл глаза. На этот раз он не считал до трёх — просто позволил картинке запечатлеться. Топография завала. Угол падения плит. Радиус разлёта осколков. Положение тела: левая рука вытянута вперёд, пальцы полусогнуты, правая скрыта под плитой. Распределение света. Влажность воздуха. Мелкие детали — фонарь Карпенко на стенах, царапины на бетоне, тёмное пятно у ног.

Через четыре секунды он открыл глаза. Матрица места происшествия была загружена в память. Теперь, даже если бы этот подвал сгорел дотла, Крупинин мог бы расхаживать по нему в своём воображении, изучая каждый миллиметр.

Он надел жёлтые очки и включил УФ-фонарь.

— Вы сказали, товарищ Карпенко, что это попадание мины? Стодвадцатимиллиметровой?

— Так точно. Дежурный на крыше слышал свист, потом взрыв. Прямое попадание в перекрытие, оно старое, не выдержало.

— Интересная баллистика, — ровно произнёс Крупинин, присаживаясь на корточки возле тела. — Подойдите ближе, лейтенант. Исключительно по моим следам.

Карпенко тяжело вздохнул, шагнул вперёд, стараясь ставить ноги след в след за следователем.

— Светите на плиту. И на тело.

Луч фонаря скользнул по пыльной форме убитого. Крупинин достал из кармана пинцет и аккуратно приподнял лоскут камуфляжной ткани на левом плече полковника, который не был придавлен плитой.

— Физика, лейтенант, — наука строгая. При обрушении потолка от фугасного воздействия взрыва образуется плотное пылевое облако. Эта пыль оседает равномерно, сверху вниз, покрывая все горизонтальные поверхности ровным слоем. — Он провёл пальцем в синей перчатке по полу рядом с телом. — Здесь слой пыли примерно два миллиметра. На спине полковника, на выступающих складках формы — тоже.

Он перевёл палец на левое плечо.

— А теперь взгляните сюда. Под этим куском бетона, который съехал с основной плиты и лежит на плече убитого.

Карпенко прищурился.

— Там… ткань темнее.

— Она не темнее. Она чище. На ней нет пыли, — констатировал следователь. — Это означает только одно: этот кусок бетона упал на полковника после того, как он оказался на полу, и после того, как осело первичное пылевое облако от взрыва.

— Вы хотите сказать, что потолок обрушился в два этапа? — нахмурился лейтенант.

— Я хочу сказать, что взрыв был имитацией, — Крупинин поднялся, выключил обычный свет и нажал кнопку на своём приборе.

Жёлтые линзы очков отсекли ненужный спектр, а ультрафиолет залил подвал синеватым, потусторонним светом. Крупинин медленно повёл лучом по стене позади завала, которая осталась относительно целой.

В луче УФ-света кирпичная кладка расцвела жуткими, фосфоресцирующими тёмными брызгами. Они образовывали причудливый узор, похожий на раскидистую крону дерева.

Карпенко судорожно выдохнул.

— Матерь божья…

— Кровь, лейтенант. Биологическая жидкость отлично люминесцирует. Это так называемый высокоскоростной след. — Крупинин говорил монотонно, но теперь он слышал собственный голос и понимал, что звучит как лектор. Он сделал паузу, вздохнул. — Обратите внимание на форму капель. Они не круглые, они вытянутые, как восклицательные знаки. «Хвост» капли всегда указывает направление её полёта.

Следователь достал из подсумка лазерную рулетку и приложил её к нижней границе кровавого пятна.

— Угол разлёта — сорок пять градусов. Точка схождения траекторий — на высоте ста семидесяти пяти сантиметров от пола.

Он повернулся к Карпенко, стянув очки. Прозрачные глаза Крупинина потемнели от умственного напряжения. Или от чего-то ещё.

— Рост полковника Самойлова — метр семьдесят восемь. Он стоял здесь. Лицом к нам. Убийца подошёл к нему вплотную и произвёл выстрел в упор в затылочную часть головы. Из оружия калибра девять миллиметров, оснащённого интегрированным глушителем.

— Откуда вы знаете про глушитель? — хрипло спросил Карпенко, инстинктивно сжимая автомат.

— Во-первых, выстрел никто не слышал. Во-вторых, скорость пули была дозвуковой, иначе мы бы увидели более обширный разлёт мозгового вещества на стене. А в-третьих, гильзы на полу нет. Человек с глушителем обычно использует гильзоулавливатель или забирает её с собой. Он был профессионалом.

Крупинин защёлкнул кейс.

— После выстрела убийца заложил направленный заряд пластида под несущую балку потолка. Обычный миномётный выстрел оставляет глубокую воронку, а здесь её нет. Взрыв обрушил перекрытие, погребя под собой тело и сымитировав попадание мины. Это была казнь, лейтенант. Хладнокровная, тщательно спланированная и безупречно исполненная.

В подвале повисла тяжёлая, липкая тишина, нарушаемая лишь редким падением капель конденсата с потолка.

— Казнь… — пробормотал Карпенко, и на его лбу выступил холодный пот. — Свои? Кто-то из наших? Но кому, мать вашу, это нужно?! Самойлов был тыловиком, он медикаменты распределял! Он герой, он два месяца под обстрелами гуманитарку тягал!

— Мотив — это переменная, которую нам предстоит найти. Но факт остаётся фактом: кто-то из своих не просто убил его. Кто-то очень не хотел, чтобы он вышел из этого подвала живым. И этот кто-то имел допуск на закрытый объект.

— Вы ошибаетесь.

Голос раздался неожиданно. Он пришёл откуда-то сверху, со стороны полуразрушенной лестницы, и в абсолютной тишине подвала прозвучал как выстрел. Карпенко мгновенно вскинул автомат, направляя луч фонаря на источник звука. Крупинин не шелохнулся. Его рука не потянулась к кобуре. Он лишь медленно, с достоинством хищника, повернул голову.

На обломках лестницы, щурясь от яркого света фонаря, стояла девушка. На ней был надет огромный, явно не по размеру, армейский бронежилет шестого класса защиты. Из-под

него торчала застиранная хирургическая куртка, на которой бурыми пятнами запеклась чужая кровь. Русые волосы, растрёпанные и пыльные, выбивались из-под сдвинутого на затылок кевларового шлема. Лицо осунулось от усталости, на щеке виднелся след от сажи. Но глаза… Глаза у неё были цвета предгрозового неба. Огромные, серые, полные отчаянной, выжженной войной усталости и какого-то дикого, непокорного упрямства.

— Сержант медицинской службы Вера Игнатова, — представилась она, спускаясь на шаг ниже, не обращая внимания на ствол автомата, смотревший ей в грудь. Она смотрела прямо в глаза Крупинину. — Вы ошибаетесь, товарищ проверяющий, — повторила она, и её голос дрогнул, но не от страха, а от сдерживаемого гнева. — Полковника убили не из-за того, что он знал. Его убили из-за того, что он пытался спрятать.

Карпенко опустил автомат.

— Вера, твою мать! — выругался лейтенант. — Тебе жить надоело?! Территория оцеплена, здесь следственные действия! Как ты вообще через посты прошла?!

Она проигнорировала его. Её взгляд был прикован к московскому следователю. К этому странному, чистому человеку в идеальном костюме, который казался пришельцем с другой планеты.

— Я видела его, — сказала она тихо, но так, что каждое слово отпечатывалось в воздухе. — Я видела человека, который выходил из этого подвала за три минуты до того, как прогремел взрыв.

Крупинин стоял неподвижно. Математически выверенный, идеальный мир его расчётов, в котором не было места случайностям, вдруг дал необъяснимый сбой. Он смотрел на эту девушку, покрытую чужой кровью и пылью, стоящую на краю могилы полковника. И чувствовал странное, совершенно нелогичное желание — шагнуть вперёд. Он сделал глубокий вдох. И закрыл глаза.

Запах озона, цемента и застарелой крови. Глухой, отдалённый удар гаубицы, от которого вибрирует пол. Серые, как грозовое небо, глаза, в которых не было страха.

Он открыл глаза. Это лицо навсегда отпечаталось в его абсолютной памяти. Не как улика. Как нечто совершенно иное.

— Четырнадцать часов двадцать пять минут, — ровно произнёс Михаил Николаевич, доставая из разгрузки влагозащищённый блокнот. — Слушаю вас крайне внимательно, сержант Игнатова.

ГЛАВА 3. Анатомия тени

15 августа 2022 года. 14:35.
Внутренний двор завода «Красный Октябрь».

ГЛАВА 3. Анатомия тени
15 августа 2022 года. 14:35. Внутренний двор завода «Красный Октябрь».

Солнце безжалостно выжигало остатки кислорода. Поднявшись из сырого мрака подвала, они остановились у разбитого фонтана, чаша которого была засыпана битым кирпичом и стреляными гильзами. Лейтенант Карпенко нервно курил, отвернувшись в сторону, и дым от его сигареты тянулся в неподвижном воздухе, как серая нитка.

Михаил Крупинин отстегнул с пояса флягу в термочехле и молча протянул её Вере. Она взяла не раздумывая. Сделала несколько крупных, жадных глотков — вода была тёплой, отдавала пластиком, но казалась живой. Крупинин внимательно смотрел на её руки. Пальцы в мелких, заживающих порезах от ампул, указательный и средний стянуты рулоном медицинского пластыря. Ногти коротко острижены. На тыльной стороне ладони — тонкий, едва заметный шрам.

«Руки человека, который каждый день собирает разорванный мир по частям, — отметил про себя следователь. — В то время как мои руки разбирают этот мир на улики».

— Спасибо, — Вера вернула флягу. Её голос стал ровнее, серые глаза смотрели цепко и изучающе. — Вы не местный. И вы не из контрразведки. Те носят форму, как вторую кожу, а на вас тактический костюм сидит, как смокинг.

— Ваша наблюдательность делает вам честь, сержант, — Крупинин достал влагозащищённый блокнот и тактическую ручку. — Капитан юстиции Крупинин, Следственный комитет. С этой минуты вы официальный свидетель по делу об умышленном убийстве. Начнём. Вы сказали, что видели человека.

Он приготовился записывать. Вера прищурилась, словно взвешивая, стоит ли доверять этому человеку с глазами микроскопа.

— Рост, телосложение, лицо? — поторопил он.

— Лицо я не разглядела, — Вера покачала головой. — На нём была чёрная полумаска, какие носят снайперы, и надвинутая кепка. Рост — около ста восьмидесяти пяти. Спортивный. Но я запомнила другое. Я медик, капитан. Я смотрю на то, как тело движется.

Крупинин перестал писать.

— Продолжайте.

— Он шёл… не по-военному. Здесь, за «лентой», люди ходят иначе. Пригибаются, инстинктивно ищут укрытие, переносят вес на носки, чтобы не шуметь или успеть упасть. А он шёл ровно. Шаг от бедра. Так ходят люди по ковровым дорожкам в министерствах. Ни одного лишнего движения. В левой руке он нёс кейс. Алюминиевый.

Крупинин опустил взгляд на свой собственный кейс, стоящий у ног.

— Такой же?

— Да. Только поменьше. И часы. — Вера нахмурилась, словно заново проигрывая сцену в голове. — Крупные, стальные, тактические часы. Но он носил их на правой руке.

«Левша, — зафиксировал Крупинин в уме. — Важная переменная».

— Обувь?

— Не уставная. Дорогие треккинговые ботинки, кажется, «Lowa». У казённых берцев подошва всегда стесывается с одной стороны, по ней можно прочитать вес бойца и сколько он прошёл. У этого ботинки были чистые. Как будто он только что вышел из машины.

— Что произошло дальше? — голос Крупинина был ровным, но внутри него уже выстраивался профиль убийцы. Профи, педант, возможно, из высшего офицерского состава или спецслужб.

— Я отошла за угол цеха, — Вера поёжилась, хотя жара стояла невыносимая. — И наступила на осколок стекла. Хруст был громкий. Он остановился. Обернулся. Мы смотрели друг на друга секунды две. И знаете, что самое страшное, капитан?

Крупинин молчал, ожидая ответа.

— Он не испугался. Не дёрнулся за пистолетом. Он просто посмотрел на меня… и вежливо кивнул. Как сосед в лифте. А потом сел в машину.

— Марка, цвет, номер?

— УАЗ «буханка». Новая, чистая, тёмно-серого цвета. Без красных крестов, без тактических знаков. Водитель ждал его с работающим двигателем. Уехали в сторону объездной. Номер был залеплен грязью, но задний мост подпрыгнул на кочке, и я увидела регион. Семьдесят семь.

Крупинин закрыл блокнот. Семь километров до линии фронта. Разбитый город. И чистая машина с московскими номерами, не числящаяся ни в одном местном реестре.

— Почему вы не доложили об этом местной комендатуре? — спросил следователь, кивнув в сторону курившего Карпенко. — Или в службу безопасности штаба?

Вера горько усмехнулась. В её глазах мелькнула усталая, взрослая горечь.

— Потому что полковника Самойлова убил не шальной снаряд укропов. Его убили свои. Те, кто имеет доступ к пропускам и машинам. Если бы я пошла в штаб, меня бы сегодня нашли в канаве с пулей в голове. А утром я увидела, как приехали вы. Вы из Москвы. Вы чужой здесь всем. Чужой — это надёжно.

Где-то совсем рядом, с мерзким, рвущим воздух свистом, пронеслась мина и разорвалась за соседними ангарами. Земля вздрогнула. Карпенко присел на корточки, прикрыв голову руками.

Крупинин почувствовал, как его пульс слегка участился — нормальная реакция организма. Но он сделал глубокий вдох, подавляя выброс адреналина силой воли. Вера даже не моргнула. Она стояла прямо, лишь слегка повела плечами.

— Если свистит — значит, не в тебя, — спокойно пояснила она, заметив его взгляд. — Привычка. Так что именно прятал полковник, капитан?

— Это нам и предстоит выяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.